

Новейшая русская словесность: стратегии письма

«КТО ОН, МОЙ ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ?» ПРИНЦИПЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ В РОМАНАХ Л. УЛИЦКОЙ

Тюнде Сабо

Печский Университет, Венгрия

В статье рассматриваются принципы конструирования образов главных героев-мужчин в четырех романах Л. Улицкой «Казус Кукоцкого», «Искренне ваш Шурик», «Даниэль Штайн, переводчик» и «Лестница Якова». Проведенный анализ свидетельствует, что эти принципы восходят к более раннему источнику, чем психологическая проза XIX века. Особенности героев можно объяснить прежде всего биографизмом и принципами построения «классического характера» – как это понимал М. Бахтин. Кроме того, для романов Л. Улицкой характерен «мультибиографизм», который одновременно с бытовой перспективой биографии героев приводит к релятивизации статуса главного героя, к дегероизации.

Ключевые слова: главные герои-мужчины Л. Улицкой, биографизм и мультибиографизм, классический характер, М. Бахтин, дегероизация

Keywords: main male heroes of L. Ulitskaya's novels, biographism and multi-biographism, classic character, M. Bakhtin, deheroisation

Существует мнение, что Л. Улицкая – автор прежде всего женского мира. В критической литературе популярность ее книг часто объясняется именно женским дискурсом, с помощью которого передается женский опыт, изображается широкий спектр женских судеб. Однако в большинстве ее романов заглавие содержит мужское имя или фамилию главных героев данных произведений. Речь идет о романах «Казус Кукоцкого» (2001), «Искренне ваш Шурик» (2003), «Даниэль Штайн, переводчик» (2006) и «Лестница Якова» (2015). В таком контексте интересно проанализировать,

по каким принципам созданы главные герои этих произведений и о каком отношении автора к своим героям-мужчинам свидетельствуют эти принципы.

Как известно, трое из названных выше героев имеют конкретный жизненный прототип: за образом Павла Кукоцкого стоит, среди прочих, существовавший в действительности врач Павел Алексеевич Гузиков; прототипом образа Даниэля Штайна является священник Освальд Руфайзен, а в образе Якова Осецкого отчасти воспроизведен дед писательницы Яков Улицкий (Улицкая 2011). Когда Улицкая писала свой

роман о Даниэле Штайне, прототипу героя, Освальду Руфайзену, уже была посвящена историко-документальная биография, составленная профессором Н. Тех (Тех 2010). Улицкая была знакома с этой работой, но, несмотря на то, что и она сама разработала огромный документальный материал, отказалась от жанра биографии и настаивала на том, что пишет фикцию. Об этом свидетельствует одно из ее писем к Е. Костюкович, включенное в роман:

... я полностью отказалась от документального хода, хотя все книжки-бумажки, документы, публикации и воспоминания сотен людей выучила, как полагается рабу документа наизусть. Начала писать роман, или как это там называется, о человеке в тех обстоятельствах, с теми проблемами – сегодня.

(Улицкая 2010б, 163–164)

Тем не менее, в романе «Даниэль Штайн, переводчик» – и не только в нем – биографизм выступает как основной принцип формирования образа главного героя. Во всех четырех рассматриваемых произведениях главный герой имеет полную биографию – «всю жизнь», по терминологии М. Безрукавой и Ю. Басковой (Безрукавая, Баскова 2016): от рождения через основные перипетии судьбы до смерти. При этом акцент делается на двух сферах жизни: выделены те моменты жизненного пути, которые определяют героя, с одной стороны, в плане профессии, с другой стороны, как мужчину, его отношения с женщинами.

Так, в романе «Казус Кукоцкого» период становления героя – это, с одной стороны, процесс формирования профессионала: от мальчика, увлеченно изучавшего анатомию, до высококвалифицированного врача и реформа-

тора системы здравоохранения. С другой стороны, в биографии героя играет важнейшую роль его брак с Еленой и их семейная жизнь с Таней и Василисой. Второй период жизненного пути героя – это экзистенциальный упадок, выражающийся как раз в этих двух сферах. Павел Алексеевич по служебной лестнице не продвигается, начинает пить. Его необыкновенно счастливый в течение десяти лет брак с Еленой разрушается, а домашняя жизнь сохраняет «лишь общую формулу, пустой панцирь былого семейного счастья» (Улицкая 2006, 300).

В романе «Искренне ваш Шурик» прослеживается становление молодого человека от рождения до тридцатилетнего возраста. В развитии героя выделены, с одной стороны, как раз те моменты, которые обозначают новый этап в становлении мужчины, например, отдельная комната или вечеринка для одноклассников в последнем учебном году, а потом – первая любовь. С другой стороны, определяющим периодом жизненного пути Шурика являются годы его образования: домашние уроки по французскому и немецкому языкам с Елизаветой Ивановной, а позже учебный год, проведенный не в своей, филологической, среде, а в Менделеевке. Экзистенциальный упадок Шурика совершается, в сущности, как результат мужских способностей героя: его жизненный путь в сюжете завершается не физической смертью, а утратой собственной личности в итоге однообразного служения женщинам. К тридцатилетнему возрасту герой становится неузнаваемым для самого себя.

В романе «Лестница Якова» жизненный путь главного героя изображается с

момента превращения подростка в молодого человека до момента его смерти. На этом пути основными составляющими являются также его профессия и отношение к женщинам. Трагедия талантливого в самых разных областях науки и культуры и одновременно амбициозного героя состоит именно в том, что из-за внешних обстоятельств он не может реализовать себя по-настоящему ни в одной области, несмотря на его «высокоорганизованный ум» и упорный труд. И, таким же образом, вопреки его стараниям, он не может восстановить близкие и счастливые супружеские отношения с женой. В последнем письме жене он пишет:

Суровая судьба заготовила для меня исключительно тяжелую биографию. Удар следовал за ударом без передышки, годы странствий шли один за другим. Муж и жена должны жить вместе, брак не может основываться на почтовых марках...

(Улицкая 2015, 684)

В аспекте дуплановости биографии главного героя роман «Даниэль Штайн, переводчик» несколько отличается от вышеописанных. В образе Даниэля становление его как мужчины и его же отношения с женщинами не имеет какого-либо значения, хотя сам герой оговаривается по этому поводу:

Я думаю, что мои обеты спасли мир от большого ловеласа, потому что мне очень нравятся женщины, и это большое счастье, что я не женат, потому что я причинял бы много беспокойства жене, заглядываясь на женщин. Тем более что почти все они кажутся мне очень привлекательными.

(Улицкая 2010б, 182)

Его жизненный путь детально разработан как реализация определенной жизненной задачи, заключающейся в служении Богу как служении людям. Поэтому биография Даниэля состоит в основном из тех моментов, которые либо его самого приближают к Богу, либо помогают в этом другим персонажам. Как говорит о нем его брат Авидор после последней их общей поездки:

... он с ними возился со всеми – и с взрослыми, и с детьми, как добрый дедушка, и я подумал, как он хорошо-таки делает свое дело. <...> И мне тогда пришло в голову, что наш Даниэль – Божий человек. Никому плохого не сделал, только хорошее, ни о ком не сказал плохого слова, и ничего ему не нужно было для себя.

(Улицкая 2010б, 645)

Биография главного героя в романах Улицкой не только сконцентрирована на двух жизненных сферах, но, как правило, дается в двойной перспективе – генеалогической и бытовой. Первая представляет собой надличностную точку зрения, поскольку герои всегда включены в ряд поколений. Их биография интересна именно тем, что они в своей жизни продолжают и реализуют каким-то образом устремления или жизненные установки своих предков, и в то же время сами оказывают определенное влияние на судьбы последующих поколений.

В образе Павла Кукоцкого, например, одним из основных слагаемых является то, что он продолжатель как врачебной династии, так и семейной традиции «добывать себе жен, как добывают военные трофеи» (Улицкая 2006, 16). Его приверженность к профессии и к науке, а также своеволие в выборе пар-

тнерши потом наследуется следующим поколением, его названными дочерьми, хотя не совсем так, как герою это хотелось бы. Жизненная установка Шурика, его роль мужчины и профессиональные навыки также прямо формируются предыдущими поколениями, бабушкой и матерью. К тому же, по ходу сюжета несколько раз меняются семейные роли, и герой выполняет подряд каждую из них: после смерти бабушки он выступает в роли родителей, а позже, даже мужа своей матери¹. Биография Якова Осецкого сконструирована как след уже ушедшего поколения, как часть новоприобретенного знания внучки Норы о своих родных. Влияние его жизненной установки на судьбу последующих поколений, на профессию Норы и ее сына Юрика проявляются в любви и способности к любым формам искусства. Образ же Даниэля Штайна отличается от других героев и в плане генеалогической перспективы: в его биографии она как бы ослаблена, по крайней мере, в пределах одной семьи. Однако его образ приобретает «родословную» в мировых религиях.

Вторая, противоположная генеалогической, бытовая перспектива сфокусирована как раз на деталях повседневной жизни в пределах биографического времени. В этой перспективе как бы укрупняются определенные повседневные жизненные ситуации героев, приобретают значение бытовые детали и те моменты профессиональной и интимной сферы, которые характерны

¹ См.: «Произошла окончательная смена ролей – Вера поставила сына на место своей покойной матери» (Улицкая 2010а, 98). Позже она «испытала смутно-приятное чувство: как будто Мария их с Шуриком дочь» (Улицкая 2010а, 458).

для жизненного пути как целого. Таких моментов в биографии каждого из рассмотренных героев очень много, перечислить их все невозможно. Вот лишь несколько характерных примеров: «в крупном плане» дается сцена, соединяющая профессиональную и семейную сферы жизни героя, когда Павел Кукоцкий осматривает новорожденного ребенка дочери; передаются мелкие подробности профессиональных и вместе с тем любовных занятий Шурика у Валерии; Даниэль Штайн детально описывает другу свое пребывание в Неаполе перед отъездом в Хайфу, включая в свой рассказ и предание о Бартоло Лонго; в записных книжках Якова даются списки книг и нот, которые герой считает нужным приобрести и прочитать.

Следует, однако, подчеркнуть, что несмотря на «крупный план» и на близость бытовой перспективы к герою, она остается в романах Улицкой внешней по отношению к изображаемому лицу. Для этой перспективы мало или совсем недоступен внутренний мир героя. О душевных переживаниях в этих романах сообщается мало, характер героя почти не меняется по ходу сюжета.

С двойной, генеалогической и бытовой, перспективой жизни героев Улицкой тесно связаны и координаты времени в рассматриваемых романах. Время в этих произведениях, с одной стороны, всегда сугубо личное, биографическое. Жизнь героев проходит в личной, интимной среде, их биография строится из ряда сцен бытовой жизни – работа, еда, прогулки, поездки, беседы, семейные праздники, болезни, смерти, сексуальная жизнь и т.д. Но, с другой стороны, эта личная жизнь всегда разворачивается на фоне конкретного исторического

времени. Сюжеты изобилуют историческими реалиями, ссылками на исторические лица, события, институты и структуры.

Описываемый в романах исторический период, все его реалии относятся к XX веку. Самый длительный период – в романе «Лестница Якова»: от 1911 года до начала 2000-х гг., а самый короткий и менее всего проявленный – в романе «Искренне ваш Шурик». Наиболее определяющую роль историческое время – особенно период Второй мировой Войны – играет в романе «Даниэль Штайн, переводчик». Но даже в этом произведении оно выступает не как цель и предмет изображения. Историческое время в каждом романе хотя и имеет существенное влияние на формирование судьбы героя, всегда как бы «сбоку», оно дается только в ракурсе личной жизни. Два ярких примера: день похорон Сталина в романе «Казус Кукоцкого» и беседа главного героя с Папой Римским в романе «Даниэль Штайн, переводчик». Первое историческое событие описывается с точки зрения двух девочек, названных дочерей Павла Кукоцкого. Благодаря этому, акцент ставится совсем не на самом событии и его историческом значении, а на личных переживаниях девочек, которые «в этот момент стали сестрами» (Улицкая 2006, 142). Главный герой романа Кукоцкий вообще вовлечен в событие только косвенно, через переживания за исчезнувших девочек. На второй пример обращает внимание Светлана Шишкова-Шипунова. Она указывает на то, что беседа Даниэля Штайна с Папой Римским дается не прямым текстом, а ее пересказывает своими словами сам герой (Шишкова-Шипунова 2007). То

есть, беседа прозвучит в почеркнутой личной сфере (параллельно с ней Даниэль вспоминает еще беседу с молодой парочкой хиппи в телефонной будке), несмотря на ее историческое значение и последствия, о которых говорится в следующей главе книги, как бы независимо от жизни главного героя. Все это указывает на то, что историческое время, хотя явно присутствует в романах Улицкой и существенно влияет на формирование биографии героев, остается только фоном. На первый план выходит личная, бытовая жизнь героев, их личные ответы на те жизненные бытовые ситуации, которые, однако, отчасти или полностью сложились под влиянием исторических обстоятельств.

Все эти особенности биографизма в романах Улицкой очень близки к тому, как охарактеризовал жанр биографического романа М. Бахтин. Согласно его концепции, сюжет биографического романа строится «на основных и типичных моментах всякого жизненного пути». В нем преобладают длительные периоды, а мгновения, которые часто изображаются «в крупном плане», имеют меньшее значение. Биографическое время включено в историческое, но этот жанр «еще не знает подлинного исторического времени». Изображаются поколения, происходит «соприкосновение разновременных жизней». «Положение, профессия, родство приобретают определяющую жизнь существенность», второстепенные персонажи, страны, вещи и т.д. «получают существенное же отношение к жизненному целому героя» – отсюда «глубокое реалистическое отражение действительности». Идея жизни, лежащая в основе биографического романа, «определяется либо

объективными результатами ее (произведениями, заслугами, делами, подвигами), либо категорией счастья-несчастья» (Бахтин 1979, 196–197).

Как мы видели, биография главных героев в романах Улицкой состоит из типических моментов «всякого» жизненного пути, сюжеты охватывают длительные периоды и генеалогическая перспектива включает героев в ряд поколений, показывая соприкосновение разновременных жизней. В образе героев родство, положение и профессия – одни из основных слагаемых. Второстепенные персонажи, места, вещи тоже имеют большое значение для формирования жизненного пути главного героя, жизнь которого, как правило, определяется объективными результатами. Например, помощь Кукоцкого в рождении тысяч человеческих существ, служение Шурика женщинам, книги и научные труды Якова, подвиг Даниэля Штайна.

Отличается же биографизм в романах Улицкой от выделенных Бахтиным моментов биографического романа в аспекте времени. С одной стороны, как уже было отмечено, в рассматриваемых романах мгновения внутри длительных периодов не теряют значения. Бытовая перспектива направлена как раз на мгновения, типические для жизни героя, чья биография строится в основном из этих укрупненных мгновений. С другой стороны, нельзя сказать, что биографизм в романах Улицкой не знает подлинного исторического времени. Наоборот, биография главного героя не только включена в историческое время, но акцент ставится именно на противостоянии героя историческому времени, выпавшему на его долю.

Каждый из четырех героев Улицкой – человек творческого склада, склонный и способный бороться за идею и преобразование окружающего мира. Можно даже сказать, что они герои идеи, но совсем не в таком смысле, как герои Достоевского. Главные герои Улицкой люди практической жизни, свою идею или жизненную установку они пытаются воплощать в повседневной бытовой жизни, включая и окружающие второстепенные персонажи с их многочисленными проблемами и необходимостью оказать им поддержку. Жизненные установки у четырех героев разные, но их связывает общая черта: хотя они на протяжении всей жизни пытаются противостоять сложным житейским ситуациям, сложившимся под влиянием исторических обстоятельств, в конечном итоге они – неудачники в обеих выделенных сферах – и в личной жизни, и в профессиональном плане.

Жизненный путь ученого-гинеколога Павла Кукоцкого заканчивается полным провалом. Его идея о легализации аборта терпит поражение как в общественной, так и в личной сфере. Разработанный им проект реформы системы здравоохранения не реализуется, а брак с Еленой разрушается в результате спора на тему аборта. Любимая названная дочь Таня погибает беременной от лептоспироза, а до рождения правнука Кукоцкий не доживает. Квартиру занимает Тома и ее растения, а именно она, человек совсем другого склада, считает себя преемником духовного наследия главного героя.

О неудачном жизненном пути Шурика уже было сказано. У этого героя особой идеи нет, однако в своем отно-

шении к женщинам он сам осознает жалость как константу: «Он давно уже догадался, что это и есть главное чувство мужчины к женщинам – жалость» (Улицкая 2010а, 203). Именно эта жалость вкупе с жизненной установкой «быть хорошим мальчиком»² является причиной того, что в служении женщинам герой лишается собственного «я».

Образ Якова Осецкого тоже определен, скорее, константной жизненной установкой, чем конкретной идеей. Именно его устремленность придерживаться всегда и в любых обстоятельствах высоких культурных и человеческих стандартов приводит к тому, что ему приходится проживать жизнь в армии или в ссылке, далеко от жены и от возможности реализоваться в профессиональном плане.

Неудаче Даниэля Штайна в воплощении своей идеи о восстановлении церкви Иакова посвящается отдельное авторское письмо к Е. Костюкович. В этом последнем письме романа Улицкая сообщает подруге о своем сне, в котором она получила ответ на мучивший ее вопрос в связи с итогом жизненного пути своего героя:

И тут я догадываюсь, какой вопрос меня так мучил, и почему я искала этого Ангела Побеждения. Дорогой мой Даниэль казался мне побежденным. Потому что задуманное им конкретное дело – восстановление Иакова на Святой Земле – не удалось. Как не было, так и нет. Продержалась она те несколько лет, что он жил там... А когда он умер, то этот единственный мост между иудаизмом и христианством оказался мостом его живого тела. Умер – и не

² См. образ бунтующей Тани Кукоцкой, которая как раз «не хочет быть хорошей девочкой».

стало моста. И я ощущала это как печальное поражение.

(Улицкая 2010б, 680)

Несмотря на то, что итог жизненного пути главных героев Улицкой с экзистенциальной точки зрения не позитивный, в образе героя для автора важна не его завершенность, как это подчеркивается в процитированном письме, а жизненный процесс (не победа, а «побеждение»), то есть непрерывное противостояние обстоятельствам. Эту особенность можно считать доминантной не только в образе Даниэля Штайна, но и в образе других трех героев – и именно в этом проявляется суть принципа их построения.

В другой, тоже не полностью сохранившейся работе Бахтина говорится о двух основных направлениях построения характера, о классическом и романтическом³. Классический характер, как мне кажется, непосредственно связан с героем биографического романа, поскольку оба неизменные и принадлежат одной и той же эпохе, XVIII веку. О герое биографического романа Бахтин утверждает, что «меняется, строится, становится жизнь героя, его судьба, но сам герой остается, по существу, неизменным. <...> События формируют не человека, а его судьбу...» – благодаря чему героизация почти совсем отпадает (Бахтин 1979, 196). С другой стороны, судьбу классического характера Бахтин воспринимает как «всестороннюю

³ Под характером Бахтин подразумевает «такую форму взаимоотношения героя и автора, которая осуществляет задание создать целое героя как определенной личности, причем это задание является основным: герой с самого начала дан нам как целое <...> все сводится и служит ответу на вопрос: кто он» (Бахтин 1979, 151).

определенность бытия личности, с необходимостью предопределяющую все события ее жизни; жизнь, таким образом, является лишь осуществлением (и исполнением) того, что с самого начала заложено в определенности бытия личности. <...> Судьба – это художественная транскрипция того следа в бытии, который оставляет изнутри себя целями регулируемая жизнь...» (Бахтин 1979, 152).

В связи с бытовой перспективой жизни героев Улицкой уже было отмечено, что внутренняя жизнь героев почти не показана, они, в сущности, не меняются по ходу сюжета. Однако о них нельзя сказать, что они представляют собой неизменного героя биографического романа. Хотя герои в самом деле мало меняются, по некоторым атрибутам их, скорее, можно определить как классический характер, как личность, изнутри регулируемую свои поступки, из которых слагается судьба-биография. То есть, завершенность героя Улицкой дана не извне, а изнутри: «он поступает так, потому что он *таков*» (Бахтин 1979, 154).

Главные герои Улицкой отвечают и второму требованию оформления классического характера. Согласно Бахтину, «его [героя] познавательно-этическая позиция должна быть бесспорной, или, точнее, просто не привлекаться обсуждению [со стороны автора]. <...> Конечно, вина имеет место в классическом характере. <...> Трагическая вина сплошь лежит в ценностном плане бытия-данности и имманентна судьбе героя; поэтому вина может быть совершенно вынесена за пределы сознания и знания героя <...> он мог совершить

ее, не подозревая значения совершаемого...» (Бахтин 1979, 154–155).

Если посмотреть на главных героев в романах Улицкой с этой точки зрения, окажется, что, во-первых, их «познавательно-этическая позиция», в общем, не подвергается сомнению со стороны автора и не поколеблена им. Жизненная установка главных героев твердо выдержана до конца сюжета, даже несмотря на их экзистенциальный крах. Кроме того, жизненная неудача этих героев объясняется не только влиянием исторического контекста, давлением исторических обстоятельств, но и имманентной их судьбе, но не всегда ими осознанной трагической виной.

Трагическая вина Павла Кукоцкого, последствия которой он не осознает, заключается в спасении жизни женщины ценой удаления матки, а также в определенной и имманентной судьбе героя позиции по отношению к вопросу о жизни и смерти зачатого ребенка и его матери. Для Шурика присущей его судьбе трагической виной оказывается предпочтение плотской любви духовной⁴. Намерение героя помогать посторонним женщинам именно в сфере телесности, (как следствие неправильно понятой жалости), доставляет им только страдание и приводит их к

⁴ Характерно, что герой в одно и то же время знакомится с Лилей, с которой испытывает цельность бытия без плотской любви, и с Матильдой, которая открывает для него наслаждения, скрывающиеся в чисто телесном общении. Шурик, с одной стороны, не отказывается от второй ради первой, но, с другой стороны, ясно, что исчезновение Лили отчасти обусловлено историческими обстоятельствами. Надо также отметить, что по отношению к образу Шурика в авторском голосе явно звучит ироническая нота, которая не наблюдается в связи с остальными главными героями.

смерти. Трагической виной Даниэля Штайна оказывается сама жизненная задача героя, его попытка осуществить свой утопический план, восстановить церковь Иакова в действительности. А Яков Осетский виноват в надменности духа, так как в решающих ситуациях он предпочитает духовную сферу житейской, и это является причиной страдания его близких.

Оказывается, что каждый герой, желая делать добро, в итоге этого причиняет зло. За этим ощущается не только историческое время, в контексте которого складываются подобные жизненные ситуации, но и принцип построения классического характера, который не может не поступать соответственно своей предопределенности. Однако надо отметить, что вес и значение трагической вины и вместе с тем привычная для классического характера степень героизации в романах Улицкой резко снижается в силу бытовой перспективе биографии.

Следующий основной момент классического характера, по мнению Бахтина, – это ценность рода. Категория рода тоже связана с неизменностью героя, с априорной заданностью его бытия (и, таким образом, она применима и к биографическому роману): «Я могу быть только тем, что я уже существенно есмь; свое существенное *уже-бытие* я отвергнуть не могу, ибо оно *не мое*, а матери, отца, рода, народа, человечества» (Бахтин 1979, 155). Как видно из цитаты, категорию рода Бахтин воспринимает широко, поэтому, когда в связи с генеалогической перспективой биографии главных героев Улицкой было отмечено, что в образе Даниэля Штайна она охватывает не один род или семью,

а ряд мировых религий, то это вовсе не противоречит концепции построения классического характера.

Другая составная часть категории рода в образе классического характера – это особая позиция автора по отношению к своему герою. Как утверждает Бахтин, «автор и герой принадлежат еще к одному миру, где ценность рода сильна еще (в той или иной форме: нация, традиция и проч.). В этом моменте вневыходимость автора находит себе ограничение, она не простирается до вневыходимости мировоззрению и мироощущению героя, герою и автору не о чем спорить, зато вневыходимость особенно устойчива и сильна...» (Бахтин 1979, 156).

Что касается авторской позиции в романах Улицкой, автор и его герои, бесспорно, принадлежат одному миру. Все они – дети XX в. Исторический фон, который изображен в романах, служил контекстом и для личной жизни автора. Однако ценность рода – это вовсе не категория реального мира, общего для автора и его героев. Категория рода введена автором в созданные им фиктивные миры и восстановлена там как ценностная категория. Поэтому она имеет лишь вторичный характер по сравнению с классическим образцом, о котором пишет Бахтин.

Следует подчеркнуть, что в созданных в постмодернистские времена произведениях все те жанровые особенности, о которых здесь идет речь и которые Бахтин рассмотрел непосредственно в их первичном проявлении, могут присутствовать только как воспроизводимые, как «знак знака». Тем не менее, их регистрация, осмысление и сопоставление с оригинальными ва-

риантами во многом помогают понять поэтику романов Улицкой. Так, на основе до сих пор сказанного становится очевидным, что принцип конструирования главного героя в романах Улицкой восходит к более раннему источнику, чем психологическая проза XIX в. Относительную завершенность и неизменность героя можно объяснить, с одной стороны, особенностями биографического романа, где акцент ставится не на внутреннем мире и личности героя, а на его жизненном пути, включаемом в ряд поколений и в историческое время. С другой стороны, эта завершенность героя отличается от завершенности чисто биографического типа, поскольку у главного героя Улицкой есть определенная идея или жизненная установка, которая реализуется в его судьбе. Эту судьбу активно формирует трагическая, но не обязательно осознанная героем вина. Трагизм судьбы главного героя снижается благодаря бытовой перспективе, которая сама по себе ведет к дегероизации.

Еще одно существенное различие по сравнению с классическим образцом, касающееся границы авторской вневходимости, можно наблюдать в отношении автора к герою в романах Улицкой. Автору, в самом деле, «не о чем спорить» с главным героем, но его вневходимость выходит далеко за пределы мироощущения и кругозора центрального персонажа. Происходит это вследствие того что в романах Улицкой биография есть не только у главного героя – все второстепенные персонажи наделены полноценной или почти полноценной биографией. Эти биографии формируются либо параллельно с биографией главного героя, либо раскрываются как

предыстория данного персонажа. Для главного героя они доступны более-менее частично, но в кругозор автора они входят целиком и равноправно с биографией главного героя.

Большое количество обширных биографий в романе Улицкой при повышенной устойчивости авторской вневходимости тоже приводит, как мне представляется, к дегероизации, к релятивизации статуса героя вообще – и исторического, и литературного. Изображаемый мир в этих романах свидетельствует о том, что любой может стать главным героем, как только приобретает биографию и в пределах этой же биографии, и любой герой превращается во второстепенный персонаж или просто во вспомогательное лицо, с точки зрения жизненного пути другого персонажа. Статус героя, в сущности, зависит от того, в какой мере к его образу прикреплен нарративная точка зрения, то есть, кто и откуда смотрит на него и по каким принципам связывает отдельные эпизоды и/или документы его жизни. Эта проблема, конечно, является основной не только для литературного дискурса, но и для историографии XX в.⁵

В творчестве Улицкой названная проблема ярче всего проявляется в романе «Зеленый шатер», где вообще нет главного героя, и можно говорить лишь о шести выделенных и равноправных персонажах, судьбы которых переплетаются в пространстве сюжета как бы случайно. Если же проследить с этой точки зрения рассмотренные нами четыре романа, то, с одной стороны, в

⁵ См., например, работы по этой проблеме Н. White, P. Ricoeur, P. Bourdieu, Ю. Лотман.

последовательности создания романов можно наблюдать тенденцию возрастающей релятивизации статуса главного героя. С другой стороны, можно заметить разнообразие сюжетных схем, с помощью которых эта релятивизация осуществляется.

Самым традиционным в этом плане является хронологически первый роман «Казус Кукоцкого». Сюжет и вместе с тем биография главного героя развиваются линейно. Параллельно выстраиваются биографии двух героинь, Василисы и Елены. Жизненный путь Василисы с детства до настоящего сюжета раскрывается как предыстория, очень близкая к жанру агиографии. Биография же Елены имеет более сложную структуру: она дается фрагментами, не по хронологическому порядку и не только от третьего лица, но также в записных тетрадях героини – от первого лица.

В первой половине первой части романа биография Павла Кукоцкого имеет восходящую тенденцию: он становится признанным специалистом, в материальном плане вполне обеспеченным и счастливым в семейной жизни. Переломным моментом выступает принятие в дом Томи и спор по поводу смерти ее матери. Начиная с этого момента, жизненный путь Павла Кукоцкого катится «под горку», и параллельно с ним становятся неблагоприятными судьбы героинь: Василиса теряет зрение, а у Елены начинаются выпадения из времени и действительности. В то же самое время, акцент в наррации переносится на развитие девочек, строится их (в первую очередь Танина) биография, а также биография Гольдберга, обретающая именно с этой фазы восходящее направление. После вневременного «третьего состоя-

ния», начиная с третьей главы романа, нарративная точка зрения сосредоточена на жизненном пути Тани, в котором Павел Кукоцкий участвует только как второстепенный персонаж, как вспомогательное лицо. В итоге релятивизация статуса главного героя в романе «Казус Кукоцкого» происходит в основном двумя путями: во-первых, путем смены поколений по образцу жанра семейно-биографического романа, во-вторых, с помощью друга и возможного *alter ego* героя, жизненный путь которого параллельно-противоположен по направлению и содержанию.

Во втором по времени создании романе «Искренне ваш Шурик» наблюдается совсем другая сюжетная схема. Как уже было отмечено, Шурик имеет неполную биографию: его жизненный путь прерывается, когда ему исполняется тридцать лет. Традиционная наррация от третьего лица сосредоточена на процессе его становления как мужчины. История его детства органически связана с предысторией матери, несостоявшейся актрисы Веруси и ее возлюбленного, неудачливого пианиста Левандовского, погибшего отца Шурика. Параллельно дается и биография бабушки Елизаветы Ивановны, смерть которой, вместе с одновременным исчезновением Лили, становится переломным моментом в судьбе Шурика. С этого момента в жизни героя появляются разные женщины: Аля, Фаина, Валерия, Светлана, Стомба с Марией и другие – каждая с особой и более или менее полноценной биографией, в которой Шурику предлагается особая функция. Создается кругообразная, центростремительная структура, в центре которой стоит главный герой: «ему представля-

лось, как все они [женщины] его обступают» (Улицкая 2010а, 409) – и каждая женщина пытается приобрести его. Однако, помогая им, герой входит в их жизнь, становится частью их биографии как второстепенный персонаж, которому уделено довольно значительное место в этой биографии. Впоследствии кругообразная структура меняется: по мере того, как Шурик захлебывается в связях с разными женщинами, эта структура становится центробежной, ее центр опустошается и наполняется чужими требованиями и желаниями. Этот процесс герой осознает только в связи с поведением Светланы: «Он считал, что она зависит от него. Сегодня он понял, что сам зависит от нее. В той же самой степени» (Улицкая 2010а, 567). В итоге получается, что статус главного героя в романе «Искренне ваш Шурик» релятивизируется посредством проникновения героя в чужие биографии, в результате чего опустошается его центральное место, и одновременно он вообще теряет определяющие его личность атрибуты.

В романе «Даниэль Штайн, переводчик» читатель должен составить биографию главного героя из текстов, принадлежащих самим различным субъектам. Автор отказывается от прямо выраженной, центральной нарративной точки зрения, и образ героя складывается из нарративов других персонажей, в жизни которых он чаще всего играет хотя и важную, но все-таки эпизодическую роль, а также из безличных, анарративных документов их и его жизни. Все второстепенные персонажи имеют свою более или менее полноценную биографию, которая развивается как бы независимо от жизни Даниэля. Эва

Манукян, например, чья биография разработана наиболее подробно, в поисках своей идентичности узнает о том, что только благодаря подвигу героя получила возможность вообще родиться на свет. Этот факт мотивирует ее стремление узнать как можно больше о жизни героя, собрать о нем материал у близких и знакомых ему людей. Тем самым ее образ приближается к функции нарратора. Однако собранный ею материал, записи разговоров, письма и т.д., а также все остальные свидетельства и документы о жизни героя, в том числе и его прямая речь, существуют порознь. Эта разрозненность текстов, отличающихся по жанру, языку и происхождению, фрагментарность структуры романа принадлежат компетенции автора, который благодаря этому приему выходит за пределы литературного дискурса (Сабо 2012). Улицкая, в сущности, имитирует работу историка, собирающего материал о жизни какого-то исторического лица. Но не сделан последний шаг – из разнородного материала, разрозненных эпизодов и документов жизни не создан единый нарратив, не выстроена единая биография. Тем самым под вопрос ставится сама возможность создания таковой. Тем не менее, статус главного героя, несомненно, принадлежит Даниэлю, несмотря на то, что в плане наррации этот статус полностью нивелирован.

В связи с романом «Лестница Якова» можно прямо ставить вопрос о том, принадлежит ли статус главного героя Якову. Ведь его внучка Нора выступает равноправным героем, их жизненный путь развивается параллельно, хотя в разных временных пластах. Существенная разница заключается в том, что

эпизоды жизни Норы излагаются непосредственно, в форме наррации от третьего лица, и ее биография представляет собой настоящее сюжета. А биография Якова раскрывается в рамках жизни Норы, в форме текстов – писем и записок, написанных от первого лица. Адресат этих писем – жена Якова Маруся, чья жизнь дается параллельно, в большинстве случаев в форме наррации от третьего лица и отчасти в форме ответа на письма мужа. Из этого следует, что биографию Якова, в известной степени, нельзя считать настолько же завершенной, как биографии других главных героев Улицкой. Его письма писались с оглядкой на адресата, поэтому, с одной стороны, выделены в основном те моменты жизни, которые могли быть интересны Марусе. С другой стороны, письма всегда открыты для ответа, и, поскольку речь идет о переписке близких людей, внутренний мир героя раскрывается намного глубже, чем в остальных трех романах. Нора находит сундучок с письмами, читает их и не реагирует на них, у нее тоже нет завершающей нарративной функции до самого конца романа, где она обращается к деду с вопросом: «Яков! Яков! Эту книгу ты хотел написать и не написал?» (Улицкая 2015, 722).

Что касается сюжетной схемы, которая вырисовывается из взаимосвязи биографий разных героев, то здесь можно говорить о структуре матрешки. Биография Норы – это матрешка большего размера, которая содержит меньшую – биографию Якова с Марусей. Промежуточную позицию занимают Генрих с Амалией, поскольку начало биографии Генриха (и отчасти Амалии) раскрывается в текстах Якова, но они

присутствуют лично и в настоящем сюжета, в жизни Норы. Особое положение занимает Юрик как сын Норы: его биография слагается в рамках ее жизни. Но как взрослый мужчина он к концу сюжета выходит за пределы жизни матери, и, с точки зрения его биографии, Нора становится второстепенным персонажем.

В то же время размывается граница между точкой зрения Норы и нарраторской точкой зрения – в размышлениях о главном герое книги обе точки зрения в данном случае могут совпадать:

Но кто он, мой главный герой? Яков? Маруся? Генрих? Я? Юрик? Нет, нет! Вообще ни одно из существ, осознающих свое индивидуальное существование, рождение и предполагаемую и неминуемую смерть. <...> Скорее сущность, не принадлежащая ни бытию, ни не-бытию. То, что блуждает в поколениях, из личности в личность, что создает самую иллюзию личности.

(Улицкая 2015, 721)

В этом высказывании доведено до предела то новое отношение автора к своему герою, которое, как мы видели, характеризует романы Улицкой. Оказывается, что автору важно не отдельное лицо, а человеческая сущность; личность интересна только в той мере, в какой в ней проявляется (или же отрицается) эта сущность⁶. Отсюда устойчивая и твердая вненаходимость автора по отношению к своему герою, его завершающая, всеохватывающая точка зрения. Этот всеохватывающий взгляд

⁶ В этом смысле нет разницы между мужскими и женскими персонажами, так же как невозможно говорить о какой-либо разнице в поэтических приемах, применяемых для оформления мужских и женских лиц в романах Улицкой.

автора соединяет противоположные тенденции, динамика которых формирует образ главного героя.

Во-первых, биографизм как важнейший принцип конструирования главного героя основан на противоположных направлениях историко-документальной биографии и фикции. Определяя границы документальной и художественной литературы, Л. Гинзбург утверждает, что «в сфере художественного вымысла образ возникает в движении от идеи к выражающему ее единичному, в литературе документальной – от данного единичного и конкретного к обобщающей мысли. Это разные типы обобщения и познания и тем самым построения художественной символики» (Гинзбург 1999, 8–9). Общеизвестные прототипы, стоящие за главными героями Улицкой, предполагают отчасти историко-документальную биографию, где в заранее заданных конкретных жизненных событиях надо найти общую для всего жизненного пути идею. Но, поскольку главные герои Улицкой, по крайней мере, полуфиктивные⁷, то в конструировании их образа имеет место и противоположная тенденция – воплощение исходной идеи в конкретных событиях биографии. В итоге эти герои воспринимаются почти в равной мере и как реальные, и как символические образы⁸.

Во-вторых, как мы видели, в конструировании образа главного героя в романах Улицкой, с одной стороны, проявляется принцип построения героя биографического романа, где важен не герой, а его жизненный путь, и ставится вопрос: «Что он прожил?». Но, с другой стороны, в связи с главными героями Улицкой важен и другой вопрос, определяющий, согласно концепции Бахтина, классический характер: «Кто он?». В романах Улицкой эти два вопроса как бы смешиваются, и в связи с образом главного героя ставится вопрос: «Как он, именно такой, проживает свою жизнь?». Для того чтобы ответить на этот вопрос, образ героя показан в ракурсе двух противоположных перспектив, генеалогической и бытовой, и в двух противоположных временных категориях – личного биографического и исторического времени. Оба приема приводят к дегероизации и к релятивизации статуса главного героя.

Эта тенденция еще больше усиливается с помощью «мультибиографизма», то есть введения в фиктивный мир романов множества других биографий. Эти биографии, благодаря перенесению нарративного фокуса на второстепенные персонажи, также снижают степень героизации главного героя, и, кроме того, расширяют и отдаляют точку зрения автора, наблюдающего в диалоге биографий «бессмертную сущность».

⁷ В связи с приемами конструирования такого полуфиктивного образа см. главу «Фикция и действительность» в кн.: Сабо 2015.

⁸ Символическое значение главных героев Улицкой в этой работе не рассматривается.

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин, М. 1979. Роман воспитания и его значение в истории реализма. *Бахтин М. Эстетика словесного творчества*. Сост. С. Г. Бочаров. Москва: Искусство.

Безрукавая, М. В., Баскова, Ю. С. 2016. Константы идейно-художественного мира Л. Улицкой. *Вестник Оренбургского Государственного Университета* 7 (195) Режим доступа: http://vestnik.osu.ru/2016_7/6.pdf [см. 15 06 2017].

Гинзбург, Л. 1999. *О психологической прозе*. Москва: INTRADA.

Сабо, Т. 2012. Историзм и реализм в творчестве Л. Улицкой. *Slavica Tergestina* 14 (2012), 99–119. Режим доступа: https://www.openstarts.units.it/dspace/bitstream/10077/8497/1/Szabo_SlavicaTer_142012.pdf [см. 20 08 2017].

Сабо, Т. 2015. *Родословная Сонечки. Генетический фон повести Улицкой*. Szombathely: Szláv Történeti és Filológiai Társaság. Режим доступа:

<https://szlavftblog.wordpress.com/2017/02/06> [см. 20 08 2017].

Улицкая, Л. 2006. *Казус Кукоцкого*. Москва: Эксмо.

Улицкая, Л. 2010а. *Искренне вам, Шурик*. Москва: Эксмо.

Улицкая, Л. 2010б. *Даниэль Штайн, переводчик*. Москва: Эксмо.

Улицкая, Л. 2011. *Все мы – советские люди*. Режим доступа: <https://www.newsko.ru/articles/nk-445385.html><https://www.newsko.ru/articles/nk-445385.html> [см. 15 07 2017].

Улицкая, Л. 2015. *Лестница Якова*. Москва: Издательство АСТ.

Шишкова-Шипунова, Св. 2007. Код Даниэля Штайна или Добрый человек из Хайфы. *Знамя* 9. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2007/9/sh13.html> [см. 02 06 2017]

Тек, Н. 1990. *In the Lion's Den. The Life of Oswald Rufeisen*. New York: Oxford University Press.

REFERENCES

Bakhtin, M. 1979. Roman vospitania i ego znachenie v istorii realizma. [The Bildungsroman and Its Significance in the History of Realism]. *Bakhtin, M. Estetika slovesnogo tvorchesstva* [Esthetics of Creative Discourse]. Red. S. Bocharov. Moscow: Iskusstvo Publ.

Bezrukavaya, M. V., Baskova, Ju. S., 2016. Konstanty idejno-hudozhestvennogo mira L. Ulitskoj [The constant elements of L. Ulitskaya's artistic and ideological world]. *Vestnik Orenburgskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. [Vestnik of the Orenburg State University] 7 (195). Available at: http://vestnik.osu.ru/2016_7/6.pdf. Accessed: 15 July 2017.

Ginzburg, L. 1999. *O psikhologicheskoy proze* [On Psychological Prose]. Moscow: INTRADA Publ.

Shishkova-Shipunova, Sv. 2007. Kod Daniela Steina ili Dobryy chelovek iz Khaify [Daniel Stein's code or a Good Person from Haifa]. *Znamya* 9. Available at: <http://magazines.russ.ru/znamia/2007/9/sh13.html>. Accessed: 02 July 2017.

Szabó, T. 2012. Istorizm i realism v tvorches-tve L. Ulitskoj [Historicity and Realism in Works by L. Ulitskaya]. *Slavica Tergestina* 14 (2012), 99–119. Available at: <https://www.openstarts.units.it/dspace/>

[bitstream/10077/8497/1/Szabo_SlavicaTer_142012.pdf](https://www.openstarts.units.it/dspace/bitstream/10077/8497/1/Szabo_SlavicaTer_142012.pdf). Accessed: 20 August 2017.

Szabó, T. 2015. *Rodoslovnaya Sonechki. Geneticheskij fon povesti Ulitskoj* [Sonechka's ancestry. The genealogical background of L. Ulitskaya's novel]. Szombathely: Szláv Történeti és Filológiai Társaság. Available at: <https://szlavftblog.wordpress.com/2017/02/06>. Accessed: 20 August 2017.

Тек, Н. 1990. *In the Lion's Den. The Life of Oswald Rufeisen*. New York: Oxford University Press.

Ulitskaya, L. 2006. *Kazus Kukockogo* [The Kukotsky Enigma]. Moscow: Eksmo Publ.

Ulitskaya, L. 2010а. *Iskrenne vash Shurik* [Sincerely Yours, Shurik]. Moscow: Eksmo Publ.

Ulitskaya, L. 2010б. *Daniel Stein, perevodchik* [Daniel Stein, Interpreter]. Moscow: Eksmo Publ.

Ulitskaya, L. 2011. *Vse my – sovetskie ljudi* [We are All Soviet People]. Available at: <https://www.newsko.ru/articles/nk-445385.html><https://www.newsko.ru/articles/nk-445385.html>. Accessed: 15 July 2017.

Ulitskaya, L. 2015. *Lestnica Jakova* [Jacob's Ladder]. Moscow: AST Publ.

“WHO IS HE? WHO IS MY MAIN HERO?” THE PRINCIPLES OF CONSTRUCTING THE MAIN HERO IN L. ULITSKAYA’S NOVELS

Tünde Szabó

S u m m a r y

This study examines the principles that govern the construction of the main male hero in four of L. Ulitskaya’s novels: *The Kukotsky Enigma*, *Sincerely Yours*, *Shurik*, *Daniel Stein*, *Interpreter*, and *Jacob’s Ladder*. The analysis shows that the principles of the construction of the heroes can be traced back to a source that precedes 19th century psychological prose. First, the characteristics of the four

heroes can be explained with biographism; second, this can be done with Bakhtin’s idea of the construction of the “classic character.” Moreover, one of the characteristics of Ulitskaya’s novels is “multi-biographism,” which, together with the “everyday perspectives” that appear in the biographies, leads to deheroization and the relativization of the main hero’s status.

„KAS JIS, MANO PAGRINDINIS HEROJUS?“ PAGRINDINIO HEROJAUS KONSTRAVIMO PRINCIPAI L. ULICKAJOS ROMANUOSE

Tiunde Sabo

S a n t r a u k a

Straipsnyje nagrinėjami pagrindinių herojų – vyrų paveikslų konstravimo principai keturiuose Liudmilos Ulickajos romanuose: „Kukockio kazusas“, „Nuoširdžiai jūsų Šurikas“, „Danielis Štainas, vertėjas ir Jokūbo kopėčios“. Atlikta analizė rodo, kad tie principai gali būti kildinami iš ankstesnio šaltinio negu XIX a. proza. Herojų specifika aiškintina pir-

miausia biografizmu ir „klasikinio charakterio“ kūrimo principais Michailo Bachtino koncepcijos kontekste. Be to, Ulickajos romanams būdingas „multibiografizmas“, kuris kartu su herojų biografijos buitine perspektyva suteikia pagrindiniam herojui reliatyvų statusą ir netgi herojus tą statusą praranda, t. y. deheroizuojamas.

Получено: 2017, август

Принято: 2017, сентябрь

Адрес автора:

1024 – Hungary

Budapest, Keleti K. u. 50. II/1

E-mail: sztunde1512@gmail.com